

Вячеслав Гусев
Сказы РА

12+

Вячеслав Гусев

Сказы Ра

«ЛитРес: Самиздат»

1990

Гусев В. А.

Сказы Ра / В. А. Гусев — «ЛитРес: Самиздат», 1990

Сборник рассказов помогает читателю пробудить восприятие волшебника, показывая обычные вещи и события под необычным углом зрения. Мир может быть совсем не таким, как нам кажется. В оформлении обложки использована акварель Ульяны Гусевой.

Содержание

Яблоко	5
Круг перемещений	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Яблоко

Дым лениво сползал с кончика его сигареты. Россыпи окурков устилали стол, не находя более места в пепельнице. Сизый сумрак за окном становился багровым, как бывает перед рассветом. Мы оба устали ходить по кругу – два ослика за одной морковкой. Никто не уступал, и выхода не было. Победителя ждала смерть. Рассвет торопил нас. Пора было что-то решать.

Наконец он сдался. Вытряхнул на стол две спички и разломил одну из них:

– Если вытянешь длинную – можешь идти.

Я вытяну длинную. Мы оба знали это. Морковка досталась мне. Оставалось успеть ее съесть. До прихода рассвета.

– Ты готов? – спросил он.

Я молча кивнул, пряча в карман бесполезную теперь спичку.

– Там все почувствуешь сам.

Это я хорошо помнил.

Он распахнул дверь. За дверью был пустой коридор. В конце коридора – еще одна дверь, она выходила на улицу. На пустынную улицу ночного города. Раньше он всегда провожал меня до второй двери. Сейчас я шел один. Свет за моей спиной погас. И коридор стал бесконечным. Я мог потрогать его стены, идти касаясь их рукой – но черный провал был впереди и позади меня, и глаза никак не привыкали к темноте. К **такой** темноте нельзя привыкнуть.

Если бы это было возможно, мы пошли бы оба, оттолкнув друг-друга у порога. Но как раз этого нельзя было сделать. Один давал возможность идти другому. Он сидел сейчас в своей комнате, неподвижно застывший и даже рассвет за окном не добавлял румянца к бледности его лица. А я шел по темному пустому коридору, втайне надеясь и страшась ощутить наконец вторую дверь. Но ее не было.

Тьма просветлела и я увидел дорогу, по которой шел. Длинную пустую дорогу из моих кошмарных снов. Она была бела и видна, но не освещается никаким светом. И не давала света сама. Тьма по-прежнему была повсюду. Я не видел своей одежды, протянув руку я не мог рассмотреть руки. Лишь на дороге позади меня оставались темные следы, как чернильные пятна на скатерти. Казалось дорога висела над пропастью, над бездной и шагнуть в сторону было невозможно. Время и расстояние потеряли смысл, усталости не было, желания идти тоже, но и останавливаться не хотелось, для этого надо было приложить усилие. Я был муравьем на длинном стебле, и не знал, доползу ли до края, и что меня ждет на краю.

Наконец я увидел тот дом.

Его белые стены возникли из тьмы, сгустившись как облако прямо из мрака. И я увидел дверь. Дверь в конце коридора. Она открылась от одного прикосновения. Беззвучно. Я почувствовал запах. Почти незнакомый запах лампадного масла. Впервые нашлась работа не только зрению. Маленький тусклый светильник на стене. Он едва разгонял полумрак, и все же давал возможность осознанно двигаться.

Я жил в этом доме. В детстве. Светильник висел на стене, но никогда не горел. В нем даже не было масла. Он появился в этом доме очень давно. Остался от прежних хозяев. Я осторожно снял лампадку и пошел бродить по комнатам, отпугивая свой страх тусклым огоньком. Я не мог вспомнить зачем пришел. Время и события утратили смысл. Воспоминания давались с трудом. Дом моего детства казался чужим и незнакомым.

Внезапно огонек качнулся в сторону и едва не погас. Огромная рваная дыра зияла в стене возле отцовского плетеного кресла. Я все вспомнил! Вот эта проклятая дыра в пространстве, времени, в жизни или в чем-то еще. Ее ничем нельзя заделать. Можно только бросить в черную пустоту очередную подачку.

Я сел в кресло и стал думать о ней. Не о дыре, конечно. Я думал о W. О тепле, покидавшем ее тело, о болезненной бледности ее губ, о невыразимой тоске, застывшей в ее глазах. Я думал о W. Я предлагал себя этой черной дыре взамен W. Это все что я мог сделать. Я не знал другого выхода, другого способа ее спасения.

Тяжелым и вместе с тем невесомым стало мое тело. Я чувствовал себя куском сахара в стакане горячего чая. Страшная мысль возникла на мгновение, что меня обманут. Отберут мои силы, но ничего не отдадут W. Все раствориться в пустых коридорах Вселенной.

Рыжий толстый кот появился откуда-то и, участливо мурлыкая, начал тереться о мою руку, осторожно теребя ее лапой, не выпуская однако когтей.

Потом все исчезло.

Я открыл глаза. Веки разъехались, но розовая пелена перед зрачками исчезла не сразу, и я увидел блики на потолке. Желтые блики, повторяющие контур окна. Слева что-то противно попискивало. Я с трудом повернул голову – рядом стоял знакомый ящик кардиомонитора и зеленая змейка на экране извивалась в такт пульсации в моей голове. Функциональная кровать, которую я привык видеть только со стороны, оказалась совершенно бескрайней, мое тело терялось в этом пространстве.

Кто-то осторожно пожал мою руку. Рядом сидела W.. Ее ладонь была тепла, и тепло взметнулось в моей душе волной нежности и восторга. Слезы блеснули на ее глазах, но лицо было свежо, хотя следы недавней болезни еще угадывались.

– Любимый мой! – сказала она. Слова прозвучали в тишине реанимационной палаты, наполняя ее дыханием жизни. – Я все знаю. Я прочла его письмо, – она плакала тихо, совсем беззвучно. Слезы просто скользили от век. W сжимала мою руку, и говорила не обращая внимания на слезы. – Он ушел туда же. Вслед за тобой. Теперь ты будешь жить. Мы будем жить, – она протянула мне сложенный вдвое листок бумаги и отошла.

W стояла у окна. Ее силуэт закрыл от меня солнце, которое казалось слишком ярким и слепило глаза.

Несколько строк расплывалось на листе бумаги:

“Не удивляйся. Ты уже неделю находишься в больнице без сознания. Прямо из моего дома тебя увезла “скорая”. Ты упал у самого порога. Все случилось настолько быстро, едва я закрыл за тобой дверь, как тут же услышал звук падения. А W в этот день стало лучше. Она захотела увидеть тебя. Попросила, чтобы ты пришел. Это невыносимо. Она любит тебя. Я здесь лишний. Прощай.”

В тот же день меня выписали. Утраченные силы вернулись быстро. Врачи настаивали на дополнительном обследовании. Но я-то знал, что обследование не даст никаких результатов.

W стала молчаливой. Немая боль затаилась в ее взгляде. Мы виделись часто, но почти не разговаривали. Казалось – соблюдаем траурное молчание. Но он был жив. Мы заходили к нему каждый день. Он ни разу не приходил в себя. Может быть так оно и лучше. Если по поводу W собирали консилиум, а меня смотрели почти все светила, то к нему не подходил никто кроме лечащего врача и нас. Светила не хотели вновь рисковать своей репутацией. Иногда он бредил. Вспоминал рыжего кота. Наших имен он не называл.

Его уход ничего не менял. Когда-то нам казалось, что появился выход. Но это по-прежнему был тупик. Для нас была важнее жизнь W. Мы не подумали о том, что она может отказаться от такой платы за собственную жизнь. Я рассказал ей про черный коридор. Она хотела знать все. W имела право это знать.

А потом замолчал ее телефон. Точнее, телефон не молчал, а плакал длинными тоскливыми гудками. Ее окна были темны, а дверной звонок готов был охрипнуть, но его хрип, увы, бесполезен. Я взял такси и поехал к знакомому дому.

У нее не было ключей и она разбила окно. W спешила, когда решилась на это. Она лежала в коридоре на полу у самой двери. Там было темно, я не помнил где выключатель. Зажигалка раскалилась в моей руке и обжигала пальцы. Пахло горелым пластиком. Наконец, я нашел выключатель, но лампочка не загорелась. Из зажигалки посыпались пружинки и она погасла. Я вновь погрузился в знакомую мне темноту. Внезапно открылась дверь и стало светлее. Он стоял на пороге прямо в больничной пижаме. Отражение собственного безумия я увидел в его глазах. Он вошел и поднял W на руки. Надо было спешить. Серый сумрак светлел в дверном проеме, разбавляя свет фонаря.

Я попросил отнести W в комнату, закрыл входную дверь и пошел по знакомому маршруту. Я спешил разыскать рыжего кота и высказать ему все, что думаю. Тьма вдоль дороги была не так уж черна. Скорее не тьма, а вязкая жижа. Горы мусора возвышались в ней.

Декорацию дома подали быстро. Он казался нарисованным на огромном куске картона. Только подойдя поближе, я убедился – дом настоящий. Дверь обладала привычной тяжестью и открылась все также легко и без скрипа. Ноздри уловили знакомый запах лампадного масла. На этот раз в доме было светлее. Красноватый свет мерцал в открытой двери одной из комнат. Это была та комната. Я вошел в нее еще раз.

В плетеном кресле сидел человек. Этот господин всегда приходил к нам, когда в доме кто-нибудь болел. От него неприятно пахло. Позже я узнал, что это запах больницы. Я вспомнил, что не любил в детстве этого господина вместе с его противным запахом. Сейчас он сидел в папином кресле и кушал яблоки. Его грузное тело с трудом умещалось на сидении. Дыры в стене не было. Вместо нее горел камин. В доме моего детства на этом месте был камин. Как же я забыл?! Что-то невидимое преграждало свет от камина и давало тень. Я угадал очертание. Это была моя собственная тень. Но почему только тень?!

Господин в кресле надкусил яблоко и взглянул на меня. Я забыл, что собирался ему сказать. Подошел рыжий кот и потерялся о мою ногу.

– Я слушаю вас, сударь, – сказал господин, продолжая жевать яблоко.

– Это несправедливо! – наконец я очнулся.

– Что именно?

– Вы отбираете жизнь у одного из нас, неизбежно обрекая оставшихся на вечные мучения, – мой голос звучал глухой скороговоркой, как у механической куклы.

– Думаю, вы не имеете представления ни о вечном, ни о мучениях. – господин оставался невозмутимым.

– Я не знаю как там у вас все устроено. Я не могу с вами спорить. Но почему именно она? Почему именно эта женщина должна была уйти? Ведь она любит и любима. Это же несправедливо! – Чувства кипели и клокотали где-то внутри меня, но я не мог их выразить. Мой голос не принадлежал мне.

– А вам не приходило в голову, что кажущаяся несправедливость может быть составной частью высшей справедливости, так же как ложь может быть составной частью правды. – он продолжал нести какую-то чушь.

– Но где же нам найти выход, – мои слова терялись в воздухе, как вода в песке.

– А кто вам сказал, что это тупик?

Господин выбрал самое большое яблоко и начал есть с громким хрустом. Яблоко было очень сочным. Лицо господина было гладко выбрито. Сок стекал по полным щекам крупными каплями. Пламя камина освещало комнату, и капли казались красными.

– Кто хочет самое большое яблоко? – спросила W, и я очнулся. Вокруг шумела самая банальная вечеринка.

Дурацкая привычка задумываться в гостях. Внезапно о чем-нибудь спрашивают, и ты не знаешь что ответить и где находишься. Чувствуешь себя очень нелепо. Но сейчас я вдруг

вспомнил, что было дальше. От яблока все отказались и W его съела сама. Самое большое и красное яблоко.

Я отобрал у нее яблоко и разрезал на три равные части.

Капли крови на ладони я незаметно вытер.

Круг перемещений

Едва лишь карета въехала во двор монастыря, как ворота сразу же закрылись. Герцог вышел из экипажа и в сопровождении послушников ступил под таинственные своды обители. Его дорожный костюм был достаточно сер и неприметен, но среди черных сутан даже он казался карнавальным нарядом. Герцога долго вели по темным, узким коридорам и, наконец, оставили одного в тесноватой келье с пыльным низким потолком и грубой, тяжелой мебелью. Молчаливый монах принес еду, которая оказалась вполне приличной на вкус, и графин красного вина.

В стенах аббатства время всегда текло слишком лениво. Герцог давно избавился от желания подгонять его. Но сейчас затянувшееся ожидание и нарочитая медлительность монахов начали раздражать его.

Наконец, подбирая длинноватую сутану, в келью вошел худой монах с бледным желтоватым лицом, вызывающие невольное сострадание и желание спросить о здоровье.

Монах присел на лавку у самой двери, словно намереваясь в любую минуту выскочить за порог или позвать на помощь.

– Нам известна цель вашего визита, – заговорил монах достаточно громко для своего слабого телосложения. – К сожалению, монсеньор болен и не сможет говорить с вами лично. Он поручил мне дать вам необходимые разъяснения.

Герцог снисходительно кивнул. Ему было проще разговаривать с этим монахом, нежели с самим аббатом.

– Говорил ли что-нибудь осужденный перед смертью? – задал герцог свой первый вопрос.

– Да, ваша светлость.

– Он избавился от ереси?

– Нет.

– Что же он тогда говорил?

– Он требовал разбирательства Верховного суда.

– Он имел в виду Суд Божий?

– Нет, ваша светлость.

Герцог посмотрел на просвет тонкостенный бокал. «Жидковата в этих краях «кровь христова», – подумал он, глядя на розовый луч света, проходящий сквозь вино в бокале.

– О каком же суде тогда идет речь?

– Он обещал пожаловаться самому президенту.

– Кому?! – удивился герцог. – Из каких же краев этот еретик?

– Он говорил, что родом из Нью-Йорка.

– Из Йорка? Он что – англичанин? – герцог выпил мутноватую жидкость. «Паршивое у них вино и отдает мышами», – подумал он.

– Его ересь не имеет границ, ваша светлость. Он утверждал, что жил в другом веке.

Вино сделало герцога добрее:

– Он, видимо, просто безумен. В чем еще обвинялся этот человек?

– Мы нашли в его доме Магический Круг, – очень медленно и внятно сказал монах.

В помутневшем взоре герцога впервые проснулся некоторый интерес:

– И что же вы сделали с этим кругом?

– Мы разбили его, ваша светлость, а осколки разбросали.

– Короля интересуют все обстоятельства этого дела, – в голосе герцога появился легкий, но вполне заметный нажим. – Мне хотелось бы взглянуть на остатки круга или хотя бы на то место, где он лежал.

– Мне очень жаль, но это невозможно, ваша светлость.

– У меня есть письмо, подписанное самим королем, – герцог протянул монаху бумажный сверток, – и такая же грамота от кардинала, – он достал второй сверток, но показать его не успел. Всем телом герцог внезапно качнулся вперед, едва не опрокинув тяжелый стол, затем медленно сполз на пол.

– Все кончено, входите, монсеньор, – сказал монах, распахивая двери.

Аббат вошел. Он постоял у окна, читая бумаги. Затем наклонился и закрыл глаза герцогу.

– Тебе не следовало вмешиваться в дела церкви, сын мой. Да простит Господь тебе свой прегрешения, – сказал аббат с печальным вздохом. Он повернулся к монаху и окликнул его. – Брат Альбино, составьте послание королю, в котором говорится, что его верный слуга скончался от чумы, не приходя в себя. О чем я очень сожалею.

Бертино лежал поперек седла, его лицо упиралось в чью-то голую ногу и при скачке каждый раз терлось о жесткую кожу всадника. Болела спина, седло давило в грудь и было тяжело дышать. Ступня всадника, обутая в плетеную сандалию, терялась в длинных густых волосах. Бертино пошевелил головой и почувствовал, что это его волосы. «Когда огни успели вырасти такие длинные», – подумал он.

Бешеная скачка прекратилась. Бертино пытался сползти с коня, но чья-то сильная рука придержала его.

– Кто это? – послышался чей-то голос.

– Это дочь императорского наместника – подарок вождю.

Кто-то поднял голову Бертино. Красное толстое лицо нависло над ним.

– Хороша! – одобрительно захохотало лицо. Бертино сволокли с коня за волосы. – Ты свободен, я передам подарок вождю.

Топот копыт затих вдали.

– Я думаю, наш старый вождь обойдется, – продолжал красномордый. – Правда, малышка? Я тоже люблю дочерей императорских наместников.

– Меня зовут Бертино, я мужчина.

– Называй себя хоть Цезарем. Выглядишь ты как жрица в храме Венеры, – красномордый разорвал одежду Бертино, – смотри, и груди у тебя как у богини.

Бертино взглянул вниз и увидел две прекрасных женских груди, он никогда не видел их сверху, из такого положения, и не сразу понял, что это действительно его груди. Неужели он стал женщиной и теперь достанется этому варвару?! Лучше бы его сожгли на костре инквизиции.

– Довольно тратить время, пойдём в мой шатер.

Красномордый сделал шаг в сторону и подтолкнул Бертино вперед. Тот с удивлением обнаружил, что у него не связаны руки. У входа в палатку стояло копьё. Бертино сделал резкий выпад, схватил оружие, развернулся и... острая боль остановила дыхание. Бертино увидел оперение стрелы между двух округлых лун на своей груди.

– Зачем ты это сделал?! – рука красномордого потянулась к мечу, но вторая стрела вонзилась в его толстую шею.

– Ты осквернил мой подарок, – услышал он далекий голос.

Никогда еще Алемандра не бежала так быстро. Сначала ей было непонятно, зачем она бежит, но сзади послышалось оглушительное рычание и ее ноги побежали ее быстрее. Алемандра с удивлением обнаружила, что вся ее одежда состоит из короткой юбки, сделанной из какой-то грубой, жесткой кожи. Ее ноги, босые, волосатые, мужские ноги не испытывали боли, наступая на острые камни, а лицо не страдало от ударов колючих веток. Алемандра бежала очень быстро, но легкие не горели огнем от недостатка воздуха, и она чувствовала, что может еще долго так бежать.

Но внезапно земная твердь исчезла из-под ног, перехватило дыхание, и Алемандра почувствовала, что стремительно падает вниз.

Громадная обезьяна, преследовавшая ее, тоже не удержалась на краю пропасти и, беспомощно взмахнув огромными, сильными лапами, с диким воплем отчаяния последовала за Алемандрой.

– Наконец-то вы проснулись, Нортон, – сказал элегантно одетый мужчина, ненавязчиво демонстрируя свой револьвер собеседнику.

Нортон с трудом разлепил опухшие веки. Ужасно болела голова. Он потянулся за бутылкой и, виновато улыбаясь, налил себе виски.

– В моем положении необходима хоть какая-то разрядка.

– Друг мой, нельзя столько пить, – незнакомец роскошно улыбнулся и тут же украсил улыбку сигарой. – Вы позволите я закурю? – поинтересовался он почти автоматически и продолжил. – Так вот. Так вот, ваше здоровье потребуетеся вам еще на два-три часа.

Незнакомец приблизил свое лицо и пыхнул сигарой, улыбка скривилась в усмешку:

– Я бы тебя сейчас убил, дерьмо, но шеф пожелал лично присутствовать при этом зрелище, – к незнакомцу вернулся обычный издевательский тон. – Так что придется потерпеть, дружище, – добавил он почти ласково. – И не вздумай напиться, скотина, ты должен быть трезвым и в ясном уме.

Незнакомец разбил бутылку рукояткой револьвера, а остатки вина в бокале плеснул в лицо Нортону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.